

Музей художественной глажки

Утюг — вещь необходимая в любом хозяйстве, а выбросить даже устаревшую модель тяжело — в прямом и переносном смысле. Поэтому старинных утюгов в мире сохранилось довольно много. Иногда им посвящены целые музеи, обычно частные, возникшие на основе личных коллекций. Иногда утюги входят в экспозицию какого-нибудь «Музея старинного быта».

Один из известнейших музеев утюгов находится на севере Франции, в городе Лонгви. Его основатель Жан-Пьер Зуккали собрал коллекцию из 4500 экспонатов, в том числе 3800 утюгов. В его собрании есть уникальные экземпляры, датируемые XVI веком. Также в его коллекции есть старинные машины для глажки и воссозданы интерьеры старинных бельевых комнат. В Голландии, в городе Ноордбрук, существует «Музей гладильных инструментов». Помимо утюгов там имеются разнообразные, совершенно незнакомые современному человеку приспособления, к примеру — старинные деревянные рубели для разглаживания льна.

Музей старинных утюгов есть и в США, в Нью-Хэмпшире, на ферме Шейкер Брук. Создатели коллекции Билл и Пегги Хейман собирают её более 30 лет, и сейчас в их экспозиции более 700 экземпляров. В Австралии, в Национальном музее штата Виктория в Мельбурне, утюгам отведён специальный раздел. Здесь представлены образцы не очень старые, датированные в основном XIX веком (что объяснимо, учитывая историю Австралии). Зато имеется обширная коллекция технических достижений XX века.

В Японии, в Токио, есть небольшой музей, посвящённый старинным способам стирки и оборудованию японских прачечных, в том числе гладильным инструментам.

Многие видели эти музейные сокровища совсем не в музейной обстановке. У меня, например, была такая встреча. Чужая коммунальная кухня. На огне общей газовой плиты стоит какой-то железный башмак с ручкой. Вот оно что — это же старинный утюг. Значит, за ним не всегда волочился шнур с вилкой, и правильно, потому что человечество обзавелось розетками не так уж давно. Какая интересная вещь! Как жалко, что такое не увидишь в исторических музеях, где лежат сплошь кольчуги или аркебузы, хотя утюгами, хочется верить, наши предки пользовались не реже.

Тут в коммунальном коридоре отворилась одна из дверей. Я увидела коврик на стене чужой комнаты — анилиново-розовый. Иван-царевич скакал в пыльное синтетическое тридевятое царство. В кухню вошла жилица. Я знала, что она родом из деревни, приехала в 30-е годы в столицу, чтобы стать рабочей Метростроя. Обеими руками она подняла тяжёлый утюг и понесла его в свою комнату гладить вещи. Это — Москва. Начало 80-х годов.

Эту женщину я вспомнила, встретив другого обладателя старинных утюгов — причём у него их не один, а целое стадо из ста тридцати штук. Он сам, по собственной инициативе, на свои средства создал частный музей утюга в Переславле-Залесском. Узнав о его существовании, я сразу очень хорошо представила этого персонажа. Для рассказа о таких у нас всегда существовал один жанр, жанр жития. Жития, исключавшего даже намёк на жизнь обеспеченную и богатую. Само собой подразумевалось, что служение культуре — нечто вроде поклонения ревнивому и жестокому божееству, которому уходят служить, отринув все соблазны. Предполагается, что на такое способен только тот, кто не от мира сего. По всей стране распределены такие страдальцы, любимые журналистами и нелюбимые жиз-

ню. Про них создаются тексты с выводом: «Радостно, что такие бескорыстные подвижники, люди с изюминкой ещё живут среди нас!»

Несчастный человек с изюминкой! И утюги — за неимением иной площади — наверняка держит в собственной же квартире, как крестьяне держали в избах телят.

Город пересекает трасса Москва—Ярославль, и прямо на ней музей и находится. Маленький двухэтажный дом — аккуратный кубик. Деревянный верх, каменный низ. На первом этаже художественный салон — шкатулки, картины, керамика. На втором этаже обнаружили и сами утюги, и их владелец. Андрей Воробьёв оказался лет на 40 моложе, чем я предполагала. Ему 28 лет. Он бизнесмен. Эта галерея внизу принадлежит ему, в городе у него есть ещё одна.¹ Он зачем-то увлечённо стал показывать мне фотографии какого-то бомжатника: обгорелые чёрные стены подпирают синее небо. Таким был дом, где мы находимся, четыре года назад. В бывшем купеческом особняке помещалась коммуналка. В середине 90-х она погорела и жильцов расселили. Печальная руина пять лет стояла на главной улице. Многие коммерсанты желали руину снести, а на её месте построить что-нибудь многоэтажное, но общество охраны памятников не разрешило. Три года назад Воробьёв, как он сам говорит, «за счёт моего наивного восприятия жизни», взялся за дом. Восстанавливать двухэтажное здание они начинали, имея капитал в полторы тысячи долларов. Отец Андрея, сам строитель, дал экспертную оценку всей затее: «Конечно, построить заново было бы даже проще». Возились три года. Теперь в этом доме живут утюги.

Вот один из самых интересных. Нижняя часть чугунная, верхняя из железа. Лет, должно быть, сто назад его уронили. Крышка разбилась, потому что чугун хрупок. Но утюг был вещь дорогой, и хозяйка отдала его мастеру, чтобы он выковал другую, из железа. Этот экземпляр — пустой внутри, его начиняли углями. А самая простая модель — нагревательная. Просто кусок чугуна, который долго, полчаса, грелся на огне. Зато гладить после этого можно было целый час. Иногда к одной ручке прилагалось 2—3 корпуса. Один грелся на огне, другим гладили. Была ещё одна, тоже очень ловко придуманная модель — утюжки, напоминавшие морской паром. Пустые внутри, с отверстием сзади. В отверстие въезжал раскалённый брусок. Пока он передавал утюгу тепло, другой занимал его место на огне. В коллекции есть огромные, десятикилограммовые утюги, которыми здоровенные мужики гладили шинельное сукно. Есть маленькие, размером с половину женской ладони утюжки — для кружев, рюшечек, оборок, воланов. Есть чудо техники, которое рекламировали в журнале «Нива» за 1913 год. В отверстие заливали спирт, поджигали фитиль, пламя грело металлический корпус. Посетители музея удивляются, сострадают, негодуют и одновременно восхищаются чистыми и целомудренными нравами дореволюционной России, где спирт заливали внутрь утюга, а не только внутрь себя. В коллекции имеется только один электрический утюжок. Сюда он попал, потому что он один из первых: Германия, 20-е годы. Кстати, в России до сих пор производят древние нагревательные утюги (так же как и чёрно-белые телевизоры).² Такой кусок чугуна, созданный в начале 60-х годов, тоже есть у Андрея. Этот подарок трудящимся изваян в виде стилизованного кита.

Человек, который всё это собрал по вологодским деревням и московским вернисажам, химик по образованию. Окончил переславский техникум. Рассказывает: «За два месяца до диплома у меня уже такая апатия была. Спасибо учителям, они подбадривали: «Андрей, мы видим, что тебе это уже надоело, ну ты давай всё-таки как-нибудь закончи!» К тому времени он давно уже работал в художественном салоне «Народный умелец». Его туда взяли помощником продавца, потом продавцом. Три года спустя, в 1995 году, он вместе с приятелем открыл собственный небольшой антикварный магазин.³

В старинном городе Переславле родился Александр Невский. Александр Дюма во время путешествия по России специально сделал крюк ради превосходной местной солёной рыбы.

¹ Собственно, вот и объяснение. Второй этаж — лишь повод затащить покупателей на первый. Вся идея «музея» основана не на культуре, а на торговле. — *Ред.*

² Становится понятно, что статью писал огульный потребитель, который не видит в жизни ничего, кроме удовлетворения своих прихотей. — *Ред.*

³ Подчеркнём: не производители, а перепродавцы. — *Ред.*

Городская застройка — сплошь частные домики, окружённые огородами.¹ Сюда приезжают художники, скульпторы и искусствоведы из Москвы. Обзаводятся дачами на берегах реки Трубеж и Плещеева озера, покупают старинные вещи для этих дач и московских квартир. Древний Переславль — идеальное место для небедных туристов из Москвы, которые хотят опасливо, как в ледяную воду, быстро окунуться в Россию.²

«Я работаю с москвичами уже 10 лет, — говорит Андрей, — я знаю, как с ними можно работать». Из глухих вологодских деревень, из закоулков измайловского рынка в Москве он привозил старинные енды, самовары, братины, рубели, прялки. Потом создал свой музей. Вход туда, кстати, бесплатный. В углу стоит сундук, куда можно положить купюру на развитие.

Музей существует за счёт двух художественных галерей. Но и они в каком-то смысле существуют за его счёт. Одно дело — поставить на главной трассе магазин с традиционным набором старорусских сувениров. Совсем другое дело — такой же магазин, но при «Музее утюгов».³ Когда едешь по Переславлю, нельзя эту вывеску не заметить. Нельзя, заметив, не зайти внутрь. Изучив экспозицию, невозможно потом что-нибудь не купить — хотя бы глиняную свистульку в виде утюга. Очень быстро этот особняк стал в городе важной достопримечательностью. Монастыри и храмы есть и в иных городах Золотого кольца. А музей утюгов только здесь. Правда, частные музеи стали появляться и в других туристических российских городах. В Ярославле предлагают полюбоваться на коллекцию старинных музыкальных инструментов — собрал её очень богатый человек, предприниматель, антиквар. Андрей говорит о нём с уважением, как о птице иного, более высокого полёта.

Почему Андрей выбрал именно утюги? «Хотелось чего-то необычного. В начале моего выбора бывали, конечно, сомнения. Удастся ли найти хорошие экспонаты? Будет ли людям это интересно? Плюс утюгов какой? Есть ведь старинные самовары, колокольчики, прялки. Темы все великолепные. Только один нюанс. Они хорошо известны в музеях и частных коллекциях. Можно купить каталог, и ты уже точно знаешь, что тебе может попасться. С утюгами всё по-другому. Это тёмный лес. И когда находишь новый, неизвестный экспонат — сердце начинает сильнее биться».

Но если это любовь, то скорее любовь по расчёту, яркий, оригинальный, грамотно реализованный проект.⁴ Выяснилось, что музейное дело — это нормальная область человеческой деятельности, где человек с живым и практичным умом может делать карьеру, получать деньги и при этом уверенно говорить о себе так, как говорит Андрей Воробьёв: «Какую-то я даже пользу, может быть, городу приношу». Музей открылся в июне. За два дня до этого был день рождения Андрея. Отмечать двойной праздник пришли одноклассники, друзья-бизнесмены, бородатые художники из Москвы, родственники и заведующая отделом живописи второй половины XX века Третьяковской галереи Лариса Аполлоновна Кашук. А в 11 вечера по дороге проезжала иномарка с двумя туристами из Москвы. Необычная вывеска, народ вокруг гуляет — остановились туристы. И Андрей провёл для них свою первую экскурсию.

— В хорошей же вы были рабочей форме!

— Да мне весь вечер то с одним надо было поговорить, то с другим. То бишь я был абсолютно, скажем так, трезвый. Только все вокруг посылали меня всё время в магазин. «Беги, — говорят, — беги!»

¹Глупое, хотя и распространённое преувеличение. Городская застройка Переславля ничем не отличается от застройки любого другого российского города: есть районы с деревянными домами, а есть районы с бетонными и кирпичными многоэтажками. Впрочем, журналисты любят такие вот лубочные картинки. — *Ред.*

²Очевидно, автор статьи и сама понимает, что с Россией её ничего не связывает. — *Ред.*

³Видите маркетинговый обман? Не музей при магазине, а как бы наоборот. А вы им верьте, верьте. — *Ред.*

⁴Надо же, даже в такой конъюнктурной статье есть пара слов правды. — *Ред.*